

одежды «Аврора», спортзал «Спартак»); фитонимы (продуктовый магазин «Алма», отель «Сакура»), идеонимы (ресторан «Али-Баба», магазин цветов «Райский сад», зоомагазин «Кот Матроскин»).

2) Равнозначной группой эргонимов являются те, что образованы способом заимствования: магазин косметики «Yellow», ресторан грузинской кухни «Chito – Gvrito», магазин «Best price», кофейня-кондитерская «Caramel to go». В нашей выборке они занимают порядка 20% и имеют тенденцию к распространению по указанным выше причинам.

3) Отдельную группу эргонимов представляют эргонимы, образованные способом языковой игры. Как правило, это графическая игра типа караоке-бар «JanymSoul», бар «The банка», магазин хозяйств «Мастер ОК», кафе «Купи Дон», центр красоты и здоровья «MediCity Spa», семейный салон красоты «DikoОбраз», ресторан правильного питания «Viva la Plov».

Таким образом, анализ показал, что городская среда содержит разнообразные эргонимы, обеспечивающие диалогизацию и отражающие мультикультурализм Караганды, её стремление оставаться в социокультурных трендах. При этом значительная часть эргонимов имеет англоязычную природу и символизирует интегрированность казахстанского общества в глобальный мир. Наблюдения показывают, что этот тренд усиливается ближе к деловому центру города, в зоне размещения вузов и мест скопления молодёжи. В таких местах на каждые 10 эргонимов 7 написаны на английском языке, а ближе к университетским районам преобладают смешанные эргонимы, отражающие развитое триязычие. Ономастический ландшафт свидетельствует о притии горожанами западной культуры, представленной в виде эргонимов на европейских языках, онимах, отражающих кулинарные традиции, моду, латинскую графику. Наряду с этим присутствуют эргонимы с азиатским, восточным и кавказским колоритом, онимы на традиционном казахском и русском языках.

Функциональная направленность эргонимов обусловлена маркетинговыми целями на продвижение товаров/услуг на потребительский рынок, их маркирование в вербальной картине города. Креативная природа маркетинга сказывается на разнообразной структуре эргонимов, среди которых наблюдаются однословные, многословные и сложные онимы. Продуктивным является лексико-семантическая онимизация эргонимов, образованных путём лексических переносов, способом заимствования иноязычной лексики, способом языковой игры, представленной преимущественно в виде смешанной графики.

1. Шмелева Т.В. Ономастикон российского города: учеб. пособие / Т. В. Шмелева. - Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2016. - 183 с.

2. Соколова Т.П. Проблемы описания городского ономастикона // Вопросы ономастики. - 2018. - Т. 15.- № 1. - С. 196-206.

Нурпеисова С.Е., Карагандинский университет имени академика Е.А. Букетова, исторический факультет, гр. ИО-42р-20, студент
(Научный руководитель - к.и.н, ассоц. проф. Абдрахманова К.К.)

ИЗ ИСТОРИИ ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ДЕТЕЙ СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ КАВКАЗСКИХ НАРОДОВ В ЦЕНТРАЛЬНОМ КАЗАХСТАНЕ (1940-1950-е гг.)

В годы Великой Отечественной войны из родных мест в Центральную Азию были депортированы народы Северного Кавказа. В результате проведения операции «Чечевица» в 1944 г. на территорию Казахстана было выселено около 400 000 чел. [1, с. 323], в том числе в Карагандинскую область – 37 602 чел. [2, с. 78]. Насильственное переселение оказало сильное влияние на все сферы жизни кавказских народов. Особенно тяжело пришлось ни в чем неповинным детям вынужденным резко взроснуть и адаптироваться к жизни в новых условиях.

Отечественные исследователи начали заниматься разработкой проблемы депортации народов СССР в Казахстан в конце 1980-х гг. Одними из первых, кто заговорил об этнических депортациях были Ж.Б. Абылхожин [3], М.К. Козыбаев [4], К.С. Алдажуманов [5]. В их исследованиях представлены сведения о численности спецпереселенцев, депортированных в республику в довоенные и военные годы, показаны последствия депортации. В 2000-е гг. были опубликованы работы М.Ч. Калыбековой [6], Ж.А. Еремекбаева [7], Н.А. Абуова [8], представляющие собой полное научно-документальное исследование истории депортированных в Казахстан народов.

О женской и детской повседневности депортированных ингушей в Центральном Казахстане писали З.Г. Сактаганова, Д.Д. Майлыбаева [9]. В своей статье авторы через собранные воспоминания и архивные документы подняли проблемы бытовой неустроенности, безденежья, голода среди спецпереселенцев. Также авторы в 2020 г. посвятили статью трудностям первичной адаптации депортированных народов в КазССР, в которой раскрывают такие аспекты повседневной жизни спецпереселенцев как контроль со стороны спецкомендатур, трудовое устройство, социальные и психологические трудности адаптации [10].

Особенностям получения спецпереселенцами образования посвящена работа С.В. Елеухановой «Обучение детей спецпоселенцев в Казахстане в 1950-е годы», в которой автор посредством анализа

архивных данных исследует основные препятствия, с которыми сталкивались дети спецпереселенцев и то, как местные органы решали проблемы охвата детей образованием [11].

Несмотря на большое количество исследований по условиям жизни спецпереселенцев в Казахстане, все еще остается слабо освещенным вопрос школьного образования детей спецпереселенцев кавказских народов. Рассматриваемая проблема нашла отражение в делопроизводственных документах, хранящихся в государственном архиве Карагандинской области и воспоминаниях депортированных. В данной работе, мы через интервью очевидцев и делопроизводственные документы рассмотрим, как насильственное переселение сказалось на школьном образовании детей спецпереселенцев с Северного Кавказа. Важно отметить, что при написании работы лексика респондентов была сохранена в оригинале.

Статья 121 Конституции СССР 1937 г. гласит, что граждане имеют право обучаться в школах на родном языке [12, с. 29-30]. Однако согласно Распоряжению СНК № 13287рс от 20 июня 1944 г. обучение детей чеченцев, ингушей, карачаевцев, балкарцев и крымских татар, переселенных в Казахскую, Киргизскую и Узбекскую ССР, производится на русском языке в существующих начальных школах по месту жительства [13, с. 547]. В обращении Наркома НКВД Л.П. Берии к зампреда СНК В.М. Молотову это обстоятельство объяснялось нехваткой квалифицированных кадров с педагогическим образованием среди депортированных [13, с. 546-547]. Данное распоряжение негативно скажется на охвате детей спецпереселенцев школьного возраста образованием. Ежегодно в отчетах о работе среди спецпереселенцев в числе причин недостаточного охвата детей будет: «дети чеченцев мало понимают разговор по-русски и по-казахски; в связи с этим не посещают школу» [14, л. 13]. О трудностях адаптации в незнакомой языковой среде вспоминает А.И. Мазиева: «Отправили нас в школу, а я русский язык вообще не знала, большая ходила, меня в первый класс посадили. Многие смеялись. Но учителя хорошие были. Все понимали. Время прошло, и мы постепенно начали учиться русскому языку...» [15, с. 244].

Данные о количестве детей, охваченных образованием отрывочно представлены в отчетах на имя секретаря Карагандинского обкома [16, л. 5, 13, 77, 109]. Учет детей спецпереселенцев производился путем подворного обхода и опроса каждой семьи о наличии детей с помощью специальных комиссий и работников Облотдела [14, л. 14]. На основе имеющихся в них данных нами была составлена следующая таблица (См. Таблица 1).

Таблица 1 – Количество детей школьного возраста по Карагандинской области, охваченных образованием

	1944-1945 гг.	1945-1946 гг.	1946-1947 гг.	1947-1948 гг.	1949-1950 гг.
Детей школьного возраста	3245 чел.	4350 чел.	4400 чел.	5890 чел.	7766 чел.
Охвачено учебой	1270 чел.	1595 чел.	1050 чел.	1306 чел.	4010 чел.

Как видно из приведенных выше данных ежегодно от 60 до 76% процентов детей в Карагандинской области не были охвачены учебой. Согласно пояснениям к отчетам, среди основных причин, по которым многие дети спецпереселенцев не посещали школы можно выделить: 1) недостаточная обеспеченность детей обувью и одеждой, а также учебными пособиями; 2) занятость детей физическим трудом для обеспечения нужд семьи; 3) препятствия со стороны родителей; 4) незнание русского и казахского языков детьми спецпереселенцев; 5) отдаленность или неимение школы; 6) болезнь детей [14, л. 29, 96]. Так, например, отдаленность школы в г. Темиртау стало причиной того, что большинство детей спецпереселенцев не смогли в 1947 г. пойти в школу. Свыше 100 семей спецпереселенцев были расселены на правом берегу р. Нуры, а ближайшая школа находилась в центре города, до которого не каждый ребенок мог пройти. В связи с этим было начато строительство школы, которую должны были сдать в эксплуатацию в 1948 г. [14, с. 22].

В условиях голода и нищеты образование – это последнее, о чем могли думать многие спецпереселенцы. Дети вынуждены были работать для обеспечения семьи. Так в Осакаровском районе в 1950-1951 учебном году не было охвачено учебой 67 детей спецпереселенцев из-за того, что «детей школьного возраста родители посылают на работы...» [16, л. 28]. Не хватало детям теплой одежды и обуви, поэтому зимой количество детей, посещающих школы резко сокращалось: «многие не посещают школу вследствие неимения одежды и обуви... отсев получился в основном с наступлением зимних холодов» [14, л. 72]. Для обеспечения детей из остро нуждающихся семей необходимой одеждой и обувью ежегодно выдавались промтовары, однако реализовывались они за плату [14, л. 43, 58]. Чтобы подготовиться к школе Х.И. Муступаев после каждого учебного года устраивался на сезонную работу на поля по сборке урожая: «...мне платили по 9-10 рублей в месяц. Мне этих денег хватало на покупку учебников и школьной формы...» [17, с. 176].

Сказывалось также противодействие со стороны родителей, имелись случаи, когда родители не желали отдавать в школу именно девочек [64, л. 52]. Такая проблема, как препятствия со стороны родителей сохранялась вплоть до реабилитации спецпереселенцев в 1957 г. На заседании бюро Карагандинского обкома КПК от 11 августа 1956 г. поднимался вопрос о недостаточном учете и охвате детей школьного из числа чеченцев и ингушей [18, л. 78]. В целях полного охвата детей всеобучем райком ЛКСМК, гороно,

районы обязаны были проводить разъяснительные беседы среди родителей и молодежи, а на участках отгона организовать школы и интернаты [16, с. 40]. Между тем, отмечается, что «противодействие родителей в отношении учебы девочек, никем по существу не преодолевается, а органы народного образования не ведут настойчивой работы по этому вопросу, ограничиваются лишь формальным опросом родителей, вследствие чего значительная часть детей чечен и ингушей остается вне школы» [16, с. 103] Ежегодно в отчетах ставилась цель охватить всех спецпереселенцев учебой, но статистика показывает, что вплоть до 50-х гг. XX в. охватить всех детей учебой не получится.

Таким образом, все вышесказанное свидетельствует о том, что существовали серьезные проблемы в сфере образования спецпереселенцев. Многие дети из-за голода и бедности вынуждены были забыть об учебе и идти работать, у желающих пойти учиться не было даже теплой одежды для посещения школы в холодные месяцы, поэтому количество учащихся зимой сильно сокращалось. Трудности создавало и обучение на русском языке или казахском языке, ведь дети кавказских народов в большинстве своем не знали местных языков. Несмотря на ежегодные поручения и предпринимаемые меры по увеличению числа охваченных школьным образованием детей спецпереселенцев целый ряд причин стали препятствием для этого. Халатность государственных органов, нерешенные проблемы в медицинской, социально-бытовой сферах, предрассудки родителей, привели к тому, что значительное количество детей не посещало школы вплоть до 1950-х гг.

1. Из истории депортаций. Казахстан. 1939-1945 гг. Сборник документов. Т. 3. – Алматы: LEM, 2019. – 708 с.
2. Спецпереселенцы в Карагандинской области (1931-1960 гг.). Сборник документов: Государственный архив Карагандинской области / Отв. ред. У.А. Амантаев. – Караганда, 2002. – 220 с.
3. Абылхожин Ж.Б. Очерки социально-экономической истории Казахстана. XX век. – Алматы: Университет Туран, 1997. – 360 с.
4. Козыбаев М.К. История и современность. – Алма-Ата: Гылым, 1991. – 203 с.
5. Алдажуманов К.С., Алдажуманов Е.К. Депортация народов – преступление тоталитарного режима. – Алматы: Фонд «XXI век», 1997. – 243 с.
6. Калыбекова М.Ч. История депортированных народов Казахстана (1937-1956 гг.). – Алматы, 2008. – 188 с.
7. Ермакбаев Ж.А. Чеченцы и ингуши в Казахстане. История и судьбы. – Алматы: Дайк-Пресс, 2009. – 508 с.
8. Абуов Н.А. Депортированные народы в Северо-Казахстанской и Кокчетавской областях (в 1936-1957 гг.). – Астана, 2009. – 151 с.
9. Сактаганова З.Г., Майлыбаева Д.Д. Женская и детская повседневность депортированных ингушей в годы Великой Отечественной войны в Центральном Казахстане // «Жуасовские чтения – 23»: материалы Респ. науч.-практ. конф. – Караганда: Типография «Calibri», 2019. – С. 278-281.
10. Сактаганова З.Г., Майлыбаева Д.Д. Расселение и трудности первичной адаптации депортированных народов в Казахскую ССР // «Жуасовские чтения – 24»: материалы Респ. науч.-практ. конф., посвящ. 1150-летию Абу Наср Аль-Фараби и 175-летию Абая Кунанбаева. – Нур-Султан: Изд-во «Алтын кітап», 2020. – С. 139-145.
11. Елеуханова С.В. Обучение детей спецпоселенцев в Казахстане в 1950-е годы // «Жуасовские чтения – 27»: материалы Респ. науч.-практ. конф., посвящ. празднованию 110-летию газеты «Казах». – Караганда: Изд-во КЕАК Карагандинского университета имени академика Е.А. Букетова, 2023. – С. 17-20.
12. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик. – М.: ЦИК СССР, 1937. – 306 с.
13. Сталинские депортации. 1928-1953 / Под общ. ред. А.Н. Яковлева; сост. Н.Л. Поболь, П.М. Полян. – М.: МФД, 2005. – 904 с.
14. ГАКО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 843.
15. Сактаганова З.Г. Фрагменты воспоминаний депортированных женщин: адаптация и жизнь в Казахстане // Мир Большого Алтая. – 2019. – №5(19). – С. 233-247.
16. ГАКО, Ф. 1. Оп. 7, Д. 133.
17. Нас породнила Сарыарка. Сборник материалов / Под ред. Ж.Ж. Турсыновой. – Караганда, 2015. – 236 с.
18. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 630.